

БИБЛИОТЕКА КОЛЛЕГИИ ПОЭТОВ И ПРОЗАИКОВ

ДАЙ ЛАПУ, ДРУГ!

Мария Бутырская

Дай лапу, друг!

«Издательские решения»

Бутырская М.

Дай лапу, друг! / М. Бутырская — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-969150-7

В сборник вошли лучшие произведения авторов Коллегии из России и стран Ближнего Зарубежья. Издание рассчитано на широкий круг читателей.

ISBN 978-5-44-969150-7

© Бутырская М.
© Издательские решения

Содержание

ПРЕДИСЛОВИЕ	6
СУДЬБА ДВОРНЯГИ	8
А ОН ЛЕЖАЛ В ХОЛОДНОЙ ГРЯЗНОЙ ЛУЖЕ...	9
ВОТ И ВСЁ...	10
НУ, ЧТО ВАМ РАССКАЗАТЬ?	11
УРОДЕЦ	12
ОНА КОРМИЛА БЕЗДОМНЫХ КОШЕК...	13
СИЛЬНЫЕ ЖЕНЩИНЫ...	14
ПРОСТИ МЕНЯ, ЧЕЛОВЕК...	16
ЦЫГАН (РЕАЛЬНАЯ ИСТОРИЯ, ОСНОВАННАЯ НА РАССКАЗЕ БАБУШКИ)	17
КОТЁНОК	18
КЕШКА И ДЕД МОРОЗ	19
СТАРИКИ	20
ОНА УШЛА...	21
ОН ТИХО ВЫЛЕЗ ИЗ ПОДВАЛА...	22
В ДОМЕ МЫШИ...	23
ЛОХМАТЫЙ ДРУГ	24
ПОЧЕМУ МЕНЯ РУГАЮТ?	25
ДАША ИСПУГАЛАСЬ	26
НЕЛЮДИМЫЙ КОТ	27
ЗАЧЕМ ДРАЛИСЬ?	28
СЛУЧАЙ С КОТОМ	29
КОТ РАЗОЗЛИЛСЯ	31
КОТ – ТО НАШ РУГАЕТСЯ!	32
КОТ – ПРОКАЗНИК	33
ЛУЧИК СОЛНЫШКА И КОТ	34
ЗВОНОК КОШКИ	35
СТРАННЫЙ РАЗГОВОР	37
КУПОРОСНЫЙ КОТ	38
ПЁС-ЗАГАДКА	40
МАЛЕНЬКИЙ КОТЁНОК В ГОРОДЕ БОЛЬШОМ...	41
МИХАЛЫЧ И МИТЯЙ	42
Конец ознакомительного фрагмента.	51

Дай лапу, друг!

Редактор Мария Бутырская

Иллюстратор Крылов Леонард

© Крылов Леонард, иллюстрации, 2019

ISBN 978-5-4496-9150-7

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

ПРЕДИСЛОВИЕ

В любом городе, в любом населённом пункте существуют они – невидимки.

Нет-нет, сами они прекрасно нас видят, встречаются с нами взглядом, умоляют о помощи... и натыкаются в лучшем случае, на равнодушный взгляд «сквозь»...

А мы спешим дальше, по своим делам, и мало, кого этот пронзительный взгляд трогает – разум занят куда более важными проблемами – ипотекой, воспитанием детей, перспективами карьерного роста.

«Кто-нибудь другой обязательно поможет!» – успокаиваем мы тоненько пискнувшую совесть – «Не могу я! У меня обстоятельства!». И голос совести послушно умолкает, придавленный гнётом насущных проблем.

А они остаются выживать на улицах. Назло бездушному миру, назло людскому безразличию. Вопреки всему.

Они – это бездомные животные, проблема которых на территории страны как никогда актуальна.

Острая нехватка приютов и передержек. катастрофический недостаток бюджетного финансирования, недостаточная информированность владельцев о необходимости стерилизации животных, не представляющих породной ценности, догхантеры и живодёры – вот далеко не полный перечень проблем, с которыми приходится сталкиваться зоозащитникам, да и просто неравнодушным людям, желающим помочь.

Сборник Коллегии поэтов и прозаиков «Дай лапу, друг!» призван привлечь внимание к проблеме безнадзорных животных и животных, обитающих в муниципальных приютах.

Их губят -стреляют, травят..
Как короток зверя век...
И судьбами зверя правит
Не Боже, но человек.

Один, тот, что мнится Богом,
Оленя вчера убил,
Другой же, с утра, с порога
Котёночка приютил.

Так дай же ты Боже правый,
Всем тем, кто душою светел,
Простое, святое право —
Добро подарить планете!

Любовь подарить спасённым,
И вспомнить всех-всех ушедших...
Всем-всем нам, немного странным
И изредка -сумасшедшим!

Издание предназначено для широкого круга читателей.

С уважением, автор проекта Светлана Кунакулова.

СУДЬБА ДВОРНЯГИ

На трамвайной остановке
Под одним зонтом стояли
девушки...
одна в ветровке —
Обе транспорт молча ждали.
Мелкий дождик моросил...
Вдруг на рельсах появился,
Ковыляя, что есть сил,
пёсик – может заблудился
или бросили беднягу?
Мокрый, тощий и хромой...
Стало очень жаль дворнягу.
«Заберу его домой», —
Одна из девушек сказала —
Та, что в ветровке. А другая,
Пожав плечами, отвечала:
«...грезил о попугае...»
– Попугая на потом,
а собаке нужен дом!
Ну, малыш, привет...
Скучаешь?
Ты со мною будешь жить?
Быть послушным обещаешь,
Будем мы с тобой дружить?
Тот вздохнул... почуял сразу,
что решается судьба.
В жизни он своей ни разу
громко так не лаял... – «Да!»
– Ну, пойдём тогда со мной,
Ведь ты голодный
и простужен!
Пёс вдруг заплакал —
он ДОМОЙ
шёл, зная, что кому – то
НУЖЕН!

Светлана Кунакулова

А ОН ЛЕЖАЛ В ХОЛОДНОЙ ГРЯЗНОЙ ЛУЖЕ...

А он лежал в холодной
грязной луже...
Лежал, отчаявшись,
и двигаться не мог.
Был совершенно никому не нужен,
А мимо проходили сотни ног.

Хотел ползти, да перебиты лапы...
Промокший весь,
да не было дождей.
Нет, не от боли кот
беззвучно плакал —
Он плакал от обиды на людей.

Когда шаги затихли на дороге,
За жизнь бороться не осталось сил,
Шла девушка —
одна из сотни многих,
Чей образ навсегда остался мил.

Она склонилась
над хромым комочком,
Согрев дыханием своим,
сказала: «Знай,
Ты будешь у меня
скакать по кочкам,
Но только потерпи... не умирай!»

Летели дни... тот кот окреп немного
И научился верить в мир чудес,
Но по ночам ему всё снится
та дорога
И девушка сошедшая с небес...

Забыл про боль
и снова встал на лапы
И страх рассыпался
на тысячи гвоздей...
Жаль, что никто не помнит,
как он плакал!
А плакал от обиды на людей!!!

Светлана Кунакулова

ВОТ И ВСЁ...

Вот и всё... Проиграна борьба...
Поводок повис бессильной плетью,
До утра теперь дожить суметь бы,
Пережить, что больше -не Судьба

Пережить, что ты уже не дышишь,
Пережить, что больше не придёшь,
И с работы больше ты не ждёшь...
Хоть кричи, хоть вой -ты не услышишь!

Вот и всё... Осталась только боль,
Утешает только мысль простая:
Что когда-то, на пороге Рая,
Непременно встретимся с тобой!

Мария Бутырская

НУ, ЧТО ВАМ РАССКАЗАТЬ?

Ну. что вам рассказать? Я родилась на стройке,
В укромном уголке. среди стекла и труб.
Не знала рук тепла, питалась на помойке,
И рано поняла, что Мир бывает груб.

Лишь в редких, чутких снах мне грезилось такое...
Ну, как вам передать? Уют, покой, еда,
Проснувшись. как в бреду, скулила я с тоскою,
Прося, чтоб Смерть меня укрыла навсегда!

Но есть Собачий Бог! Однажды Он услышал
Ту, полную тоски, молитву-песнь мою-
Из дома Человек дождливым утром вышел,
И шёл навстречу мне -туда, где я стою.

И вот на поводке теперь шагаю гордо,
Хозяйской я зовусь, и имя есть – Фантом,
Есть Люди на Земле, теперь я знаю твёрдо,
И Нелюдей полно..но стоит ли о том?!

Мария Бутырская

УРОДЕЦ

Он был НИЧЕЙ – бездомный, беспородный,
Но жизни он, увы, иной не знал.
Потрёпанный, худющий и голодный,
Прохожих долгим взглядом провожал.

А люди только морщились брезгливо:
«Фу! Грязь, зараза и рассадник блох!
Расселся тут! Ну ладно б, был красивым,
А то Уродец! Как ещё не сдох?!»

...Её дразнили с детства. с колыбели:
«Уродина, посмешище, отстой!»
Не повезло ей с внешностью модели.
Но очень повезло с душой простой.

В тот день, от боли и обиды плача,
Она свернула в скверик, где вокзал...
Вильнул внезапно грязный хвост собачий
И соль с лица «уродец» облизал.

Они ушли вдвоём, два силуэта,
Доверчиво прижался пёс к руке,
Цвели сады и наступало лето,
И ветер гнал «барашки» по реке...

Как часто забываем мы о нужном.
Когда приходим в этот мир большой —
Что главное ведь -вовсе не наружность,
В разы важней красивым быть ДУШОЙ!

Мария Бутырская

ОНА КОРМИЛА БЕЗДОМНЫХ КОШЕК...

Она кормила бездомных кошек,
Стыдливо прячась от посторонних.
А кошки ели с её ладошек,
Добро и ласку навечно помня.

А за спиною ей вслед шипели —
Мол, сумасшедшая, зоошйза.
Что ж не сидится ей, в самом деле —
То по подвалам, то по карнизам...

Ну, а ночами она рыдала,
Курила много, смотря в окошко...
Дурные люди... Она-то знала.
Как жить ей было... бездомной кошкой

Мария Бутырская

СИЛЬНЫЕ ЖЕНЩИНЫ...

Сильные женщины редко плачут,
Разве что, с близкими и украдкой,
Слёзы бессилия ловко прячут
Под покрывалом сплошной загадки...

Сильные женщины... Боль потери
Как пережить? Когда сердце в клочья?
Сильные женщины... Как поверить
В то, что есть Бог, когда воешь ночью?!

Сильные женщины... Как промолвить:
«Знаешь, вот только похоронили...
Кушал с утра... А теперь вот холмик,
Жив был вчера. А теперь – в могиле...»

Не человек, просто пёс обычный,
(Но отчего же так душу гложет?!)
Он в беспородном своём величьи
Мирно уснул на февральском ложе...

Сильные женщины... столько ада
Перевидали... ну что ты плачешь?!
Слёзы украдкой утри. Так надо...
С миром покойся, душа собачья!

Мария Бутырская

ПРОСТИ МЕНЯ, ЧЕЛОВЕК...

Здравствуй, человек!

Говорят, что именно ты – хозяин моей мамы... Знаешь, если бы я умела говорить, то смогла бы поведать тебе о многом, но я не то, что говорить не умею, я даже ни разу не видела её – мою маму: у меня ещё не открылись глазки.

Прости меня, человек – я не должна была появиться на этот свет, но так уж получилось, получилось благодаря именно тебе – ты отпустил маму погулять, она влюбилась, и на свет появилась я...

Мама облизала меня горячим влажным языком и подтолкнула поближе к соскам.

Какое же оно вкусное, молоко! Какое же блаженство -жить на этом свете! Я пока ещё совсем кроха, и не различаю времени суток, для меня ночь и день сливаются воедино, но я совершенно точно ощущаю мамину любовь, мамино тепло и заботу.

Сегодня для меня открылся мир звуков, и я услышала твои шаги, человек... Тяжёлые, тревожные шаги. Я запищала, сначала тихонько, затем всё громче... Я звала маму, просила её защитить меня, но мама только коротко взвизгнула, а руки подняли меня высоко и куда-то понесли...

Прости меня, человек! Вероятно, не надо было мне приходить в этот мир... Хозяин...

Ты ведь и мой хозяин, раз хозяин моей мамы? Мне холодно и страшно, куда ты меня несёшь? Я хочу к маме, я хочу молочка... Мама, мама, мама... Где ты? Почему так холодно? Я не вижу, куда мне нужно ползти, зачем ты вынес меня на улицу? Я обречена, человек?

...Чьи-то другие, тёплые и ласковые, руки вдруг подхватили меня... Страх исчез, вместо него затеплилась надежда – я всё-таки буду жить? Даже слова я помню, странные какие-то: «Передержка, ищем кормящую суку, срочно!...подкинул, сволочь!...»

А затем меня принесли к другой маме, во всяком случае, пахла она совсем по-другому, но, точно так же, как и моя, облизала меня и подтолкнула носом к соску... Я жива! Я хочу жить, хоть появилась на свет и не по своей воле...!

Человек, я выживу, вырасту..Назло, вопреки той участи, которую ты уготовил мне...

Моим братьям и сёстрам (а я помню, они были рядом со мной у той, первой мамы), наверное, повезло меньше.

Людей, которые меня спасли, называют «волонтёры», но они, увы, не могут спасти всех тех, кто не должен был появиться на этот свет.

Человек, «волонтёры» просили передать тебе – пожалуйста, будь ответственным – стерилизуй свою собаку! Я не хочу, чтобы мои сводные братья и сёстры умирали, не успев появиться на свет!

Мы не виноваты в том, что родились!

Мария Бутырская

ЦЫГАН (РЕАЛЬНАЯ ИСТОРИЯ, ОСНОВАННАЯ НА РАССКАЗЕ БАБУШКИ)

Июльское солнышко рано просыпается, значит, и Нюрке пора вставать...

Не хочется, конечно, но она старшая в доме- кто, кроме неё подоит коров и выгонит скот на выселки?

Нюрка вышла на крыльцо и с наслаждением вдохнула пропитанный пряным запахом прогретых накануне трав воздух. Хорошооо! И солнышко светит! Сама она, Нюрка, тоже рыжая-рыжая, как солнышко, с конопушками, которые она старательно замазывала побелкой, чтоб не так выделялись Пора и за работу!

Подоив коров, девчонка взяла хворостину и повела стадо за околицу села.

Позади послышались топот и чьё-то тяжёлое дыхание.

Преступников в селе не боялись, да и чего бояться – каждый двор как на ладони, но любопытная Нюрка оглянулась – её догонял крупный чёрный поджарый пёс, весь в навозе и репьях. Собака задыхалась от быстрого бега, но мчалась легко, едва касаясь земли...

Собак Нюрка не то, чтобы не любила, скорее, относилась к ним равнодушно, сами они собак на дворе не держали – мать против была, а как матери ослушаешься!

Увидев, что девчушка остановилась, пёс подошёл поближе и оценивающе взглянул на селянку умным взглядом тёмно-карих глаз.

«У-у, чёрный какой!» – рассмеялась Нюрка – «Цыганом будешь!»

Неожиданный попутчик, казалось был не против. Теперь каждое утро он встречал Нюрку с коровами, провожал их до пастбища, а затем словно исчезал в никуда. Нюрка тайком от матери таскала псу объедки и хлеб. а иногда и делилась пайкой, что мать давала с собой...

Шли месяцы, незаметно пролетел год. Цыган теперь не таился – он выбрал для охраны часть села и усердно нёс службу, не подпуская чужаков на вверенную ему территорию.

В тот летний вечер Нюрка полола грядки, как вдруг, снеся хлипкий замок на калитке, во двор ворвался Цыган. Выглядел он страшно -язык буквально волочился по земле, а от частого дыхания бока собаки вздымались, словно кузнечные меха. Собака заметалась по двору.

«Цыган! Цыган!» – заволновалась Нюрка-«Что с тобой?!»

И тут же получила ответ на свой вопрос – про просёлочной дороге вихрем промчалась Шурка Климашина, крича: «Отстрел! Из Спасского собак стрелять приехали!»

Нюрка схватила Цыгана за шею: «Иди скорее сюда!» – и указала на стог сена. Умный пёс всё понял и зарылся в ароматной скошенной траве полностью, даже шевелением не выдавая своего присутствия...

Стрелки обошли дворы, спрашивая, есть ли бездомные собаки, да и уехали восвояси.

А Нюрка от переживаний и усталости так и уснула на копне сена. Ранним утром бабка Полина, выйдя до ветру, обнаружила на сеновале двоих – девочку и собаку. Рыжая, конопатая внучка крепко спала, обхватив за шею грязного, в репьях, лохматого Цыгана.

«Эхх... Вечером – молодёжь, утром-не найдёшь!» – покачала головой старушка, но будить парочку не стала...

Но не суждено было Цыгану прожить долгую собачью жизнь – Нюрке исполнилось четырнадцать, и она по чужому паспорту уехала на заработки в Москву, а когда приехала домой в отпуск, узнала, что Цыгана съел сосед, больной туберкулёзом – по слухам, мясо чёрной собаки лечит...

Говорят, сгорела потём изба соседа, ну, да мало ли, что люди говорят!

Мария Бутырская

КОТЁНОК

Кошки не плачут... Разве?
Ночью, холодной стужей,
Плакал котёнок грязный
В полузамёрзшей луже

Крик разрывает вечность:
«Мама, ты здесь? В подвале?»
Знать он не мог, конечно —
Маму замуровали...

Утро. Почти потёмки...
Птицы в рассвет взлетают,
А на носу котёнка
Выпавший снег... Не тает...

Мария Бутырская

КЕШКА И ДЕД МОРОЗ

Кешка изо всех сил вжался в стену дома – она хоть как-то защищала от мокрого снега и ледяного пронизывающего ветра...

Мимо сновали прохожие, торопясь купить подарки родным к Новому Году, и никому, совершенно никому не было дела до маленького взъерошенного продрогшего до косточек Кешки.

Вообще-то Кешка жил в подвале вместе с мамой и двумя братишками. Были ещё и сестрёнки, но однажды они ушли на улицу и не вернулись. Мама строго-настрого запрещала сыну выходить из их тёплого убежища, пугала собаками, машинами, злыми людьми.

А Кешка не верил – жизнь только начиналась, и мир казался невыносимо прекрасным! Сегодня с утра так красиво кружился снег, всё вокруг искрилось и сверкало, и маленький котёнок не удержался – надо же обязательно потрогать снег лапкой, а ещё лучше – попробовать на вкус: ох, и вкусный же он, наверное!

Дождавшись, пока мама задремлет, он юрко выскочил из подвала и начал играть со снегом, подпрыгивая и смешно кувыркаясь...

Доигрался! Случилось страшное: он заблудился, и даже развитый кошачий внутренний компас упорно молчал.

– Мяааа! Мяамочкааа!!! – отчаянно звал малыш, но, ясное дело, мама была далеко и не могла поспешить на выручку непутёвому сыну...

Ничего не оставалось теперь Кешке, кроме как сидеть, вжавшись в стену и ждать конца. Он даже зажмурился от страха и вздрогнул, когда что-то тёплое вдруг подхватило его и подняло высоко вверх.

– Т-ты кто?! -сдавленно пискнул Кешка, косясь на незнакомца. Тот точно был человеком, раньше-то Кешка людей видел. От бороды пахло какими-то травами и табаком.

– Дед Мороз я! -улыбнулся незнакомец – Тут в соседнем подъезде одна девочка второй год котёнка в подарок просит, и учится на отлично, и ведёт себя хорошо... Завтра хотел уж на Птичий Рынок ехать, а тут ты сидишь, красавец какой, ишь!

Дед Мороз достал мобильный:

– Алло, Лен, это я! Дочь, нашёл я нашей Варе подарок! Да не, не на рынке, у дома сидел, весь продрогший, за ночь точно замёрз бы..Ты внучке пока ничего не говори. Спит? Вот и отлично, не буди. Ванну набери пока тёплую, отмывать-отогреть будем! Ну и что с того, что беспородный, вон, какой грациозный малый!

Кешка дремал за пазухой Деда Мороза. Теперь его внутреннее кошачье чутьё знало точно – начинается новая, счастливая жизнь!

Мария Бутырская

СТАРИКИ

... Их часто видели в этом парке, и всегда вдвоём. Преклонных лет уже человек и не менее пожилая собака, английский коккер-спаниель с седой мордой и впалыми боками, шли по аллее, поминутно приостанавливаясь для того, чтобы отдышаться.

Примерно в середине парка они останавливались, старик присаживался на лавочку, доставал из полиэтиленового пакета нехитрую снедь: себе – пакет кефира и сдобную булочку с изюмом, а своему хвостатому спутнику – говяжью кость.

Пара приступала к трапезе, затем пёс укладывался в ногах хозяина, а тот, достав старенький мобильный, снова и снова трясущимися непослушными пальцами набирал чей-то номер, вслушивался в длинные гудки и со вздохом нажимал «отбой».

Мамочки с колясками давно заприметили этот странный ритуал и долго гадали, кому же звонит, но так и не может дозвониться этот дедушка с собакой. Наконец, самая смелая, Юлька, под села на лавочку к старику и поинтересовалась:

– Дедуль, а может, Вы номер неправильно набираете?

– Нет, дочк, всё правильно. Видишь, вот тут «Жена» написано? – старик протянул трубку молодой маме.

– Ну да... – растерянно подтвердила Юлька – А может, её дома нет?

– Права ты, дочк! – вздохнул старик – Два года уж, как нет, в сырой земле лежит... Вроде и на могилку езжу, а рука всё тянется позвонить ей из парка, как всегда делал. – старик сглотнул ком, подкативший в горлу – А вдруг возьмёт, да ещё нагоняй даст, что сегодня снова с Джерри без шарфа вышел и непременно простужусь, а у неё ноги больные по аптекам мне за лекарствами бегать.

Их часто видели в этом парке...

Мария Бутырская

ОНА УШЛА...

Она ушла. Опять закрылась дверь.
Я опускаюсь привычно у порога
На коврик, где ступали Её ноги,
И подожду, когда проснется зверь
Внутри меня. Осталось ждать немного.

В квартире пусто. Тихий мой скулеж
Унылым звуком вылетит в окошко,
Там, за стеклом, уселась чья-то кошка,
Мне до неё добраться невтерпеж!
И, вот, половики опять в гармошку,

Упал цветок, и вдребезги горшок,
Испуганные, кучей занавески
Свалились сверху на пол с громким треском!..
Опять Она, испытывая шок,
Мне тапочком по попе стукнет веско.

Теперь хана! Делов я натворил...
Грызу от злости ножки у дивана,
А заодно и угол чемодана.
А через час, как я и говорил,
Хозяйкин крик прервет мою нирвану.

Светлана Сапронова

ОН ТИХО ВЫЛЕЗ ИЗ ПОДВАЛА...

Он тихо вылез из подвала,
Мотнул лохматой головой,
Едва мяукнул-силы мало,
Ужасно тощий, чуть живой.

Взглянул огромными глазами,
А в них большой и страшный мир,
Где мы стоим под образами,
Но каждый сам себе кумир,

Где мы, сбегаая от большого,
Пинаем маленьких ногой
И где душой торгуем, снова
Боготворя кошель тугой.

Нам всё приелось и привычно,
А он был вечностью самой,
Такой смешной и необычный!
Я забрала его домой.

Светлана Сапронова

В ДОМЕ МЫШИ...

В доме мыши.
Ночь. Темно.
Я не слышно
Влез в окно.

Шорох рядом,
Тут и там,
Всполох взгляда
По углам.

Тише, мыши,
К вам идет
Ближе, ближе
Черный кот.

Светлана Сапронова

ЛОХМАТЫЙ ДРУГ

По земле я с улыбкой шагаю,
Раздавая любовь, доброту.
Тварей всех я живых обожаю
Ласку им я дарю, теплоту.

Я иду, со мной рядом шагает,
Залихватски махая хвостом,
Друг лохматый и даже не лает,
Вновь надеясь найти тёплый дом.

Брошен был он на даче, бедняга,
Хоть весной он был милым щенком,
Став за лето огромной дворнягой,
При отъезде оставлен был он.

С ним играли хозяйские дети,
Оглашая площадку с утра.
Был милей он для них всех на свете,
В общем, славная лето пора!

Но пришла вдруг дождливая осень,
И не нужен он стал никому,
Ведь лохматую шкуру не сбросить!
...Отряхнуться нельзя на дому...

Голодал он и мок у забора,
Увязался голодный за мной,
Весь искусанный местною сворой,
Награждён он был мной колбасой.

Вот и сам я уж скоро уеду,
Взять его я с собой не могу,
Отведу к старожилу-соседу
И с жильём другу я помогу!

Константин Волынцев

ПОЧЕМУ МЕНЯ РУГАЮТ?

Поцарапал он обои,
Расцарапал весь диван,
Укусил меня до боли —
Наш котёнок-хулиган.

И за это не ругают
Кису бабушка и дед:
«Пусть резвится, пусть играет», —
Слышен каждый раз ответ.

Я рисую на обоях,
Закорючки вывожу.
Деда с бабушкой, обоих,
На обоях, напишу.

Посмотрев мои творенья,
Ахнул дед и застонал:
«Никакого нет спасенья
От внучонка», — он сказал.

Почему меня ругают?
Виноват я без вины:
«Наш котёнок, точно знаю,
Поцарапал две стены.

Вон обои провисают,
Что испортил Цап-Царап...»
Почему меня ругают?
Не могу понять, никак!

Александр Белкин

ДАША ИСПУГАЛАСЬ

Дочка жалуется маме:
«Поцарапал Дашу кот»...
Обливается слезами,
Ищет ранку – не найдёт.

Мама ручку осмотрела,
Прошептала: «Не беда.
Я давно сказать хотела:
Ты не трогай зря кота.

Если он спешит к обеду,
Поднимая хвост трубой,
Не беги за Васькой следом —
Он тогда немного злой».

Даша сразу рассмеялась,
Слёзы вытерла рукой:
«Я напрасно испугалась,
Мама, кот совсем не злой».

Александр Белкин

НЕЛЮДИМЫЙ КОТ

Кот ленивый, кот холёный
Жил у бабушки Алёны.
На кровати он лежал,
Никого не обижал.

Но когда являлись гости,
Он весь в ярости и злости
Нападал на них, урчал,
А зачем? Никто не знал.

Разъяснил всем первоклассник.
Он сказал, как «мудрый классик»:
«Просто кот ваш рос один,
Вот и вырос нелюдим».

Александр Белкин

ЗАЧЕМ ДРАЛИСЬ?

Два кота пошли гулять,
В травке тёплой полежать,
Слева вышел кот Василий,
Справа – грозный кот Базилий.
Повстречались за углом,
Обходя соседний дом.
Спину выгнули дугой,
Предвещая страшный бой.
Покатались кувырком,
Задевая кочки лбом.
Ваське ухо надорвали,
А Базиля покусали.
Пощарапали носы...
А зачем дрались, спроси?
Ведь хотели погулять,
В травке тёплой полежать.

Александр Белкин

СЛУЧАЙ С КОТОМ

Жил в семье у Саши кот
Без забот и без хлопот.
Бабушка его кормила,
На балкон гулять водила,
Гладила его рукой
И играла с ним порой.
Кот слонялся целый день
За хозяйкой словно тень.
А устав, ложился спать
На диван или кровать.

Но однажды на балкон
Прогуляться вышел он.
Птичка села рядом с ним,
Клювом, щёлкая своим.
Наблюдал кот, наблюдал,
Прыгнул – птичку не поймал,
Вниз с балкона полетел,
Ветки дерева задел,
На газон в траву упал
И тихонько застонал.

В доме шум и суета,
Обыскали все места...
Нет кота. «Пропал наш друг», —
Бабушка сказала вдруг.

Саша выглянул в окно —
Стало вдруг в глазах темно:
Кот под деревом лежал,
Чуть дышал и весь дрожал.
Попытался даже встать,
Но не смог – упал опять...

Лечит бабушка кота
От ушей и до хвоста.
Он в бинтах лежит, больной,
В гипсе, мазах, но живой.

Да?! Коту не повезло,
Но плохое всё прошло.
Он хромает, не беда.
Боль исчезнет навсегда.
Только должен помнить кот —
Сколько он принёс хлопот.

Александр Белкин

КОТ РАЗОЗЛИЛСЯ

Возле дома, на лужайке,
Притаился кот в траве.
От назойливой хозяйки
Убежал он на заре.

Целый день она играла,
Как с игрушками, с котом.
Платье куклы надевала
На него с большим бантом.

Взяв за лапки, танцевала
И кружила хоровод.
На обед конфет давала,
Попивая свой компот.

Кот вначале не сердился
И с хозяйкою играл.
Но к обеду разозлился:
«Я – не кукла», – и сбежал.

Притаившись на лужайке,
Он поспал часок, другой;
Но, услышав, плачь хозяйки,
Возвратился вновь домой.

Александр Белкин

КОТ – ТО НАШ РУГАЕТСЯ!

Кот Василий интересный
Удивительный такой.
То он ласковый и нежный,
То не тронь его рукой.

Он хозяйку Аню любит,
Но обидится – держись,
Про любовь свою забудет,
Если Аня скажет: «Брысь!»

«Брысь!» И кот до поздней ночи
От обиды вне себя.
Будто поругаться хочет:
«Ухожу я от тебя!»

Не зови меня к обеду
И сосиски не давай.
В Простоквашино уеду
От тебя, ты так и знай!»

«Васька, Вася, ты покушай:
Всё у нас поправится!
Папа, папа, ты послушай:
Кот-то наш, ругается!»

Александр Белкин

КОТ – ПРОКАЗНИК

Кот тайком проник в кладовку.
Съел сосисок упаковку.
Но хвостом вильнув неловко,
Угодил хвост в мышеловку.

Стало больно и обидно
В этот миг коту, как видно.
Он от боли закружился,
Диким криком разразился.

Повертелся, покружился,
Ничего он не добился.
Мышеловка хвост кусала
И кота не отпускала.

Тут хозяйка прибежала,
Мышеловке рот разжала
И кота освободила,
Как из пасти крокодила.

«Что, проказник, напугался?
За сосисками погнался?
Я всё знаю без вопросов:
Будешь знать, как брать без спроса».

Кот, дрожа, хозяйку слушал.
«Виноват – запрет нарушил.
Я, исправлюсь – вот что важно», —
Промяукал он протяжно.

Александр Белкин

ЛУЧИК СОЛНЫШКА И КОТ

Лучик солнышка по крыше
Пробирается тайком.
Он сегодня в кошки-мышки
Поиграть решил с котом.

С крыши спрыгнул на окошко,
А с окошка на кровать,
Где дремали кот и кошка
И не думали играть.

Лучик солнышка, как зайчик
По кровати пробежал.
Он хоть солнечный, но мальчик
Пошалить всегда желал.

Веселясь, он прыгал, прыгал —
Ослепил глаза коту.
Кот очнулся, спину выгнул,
Ощущая слепоту.

Мальчик солнечный, как мышка,
Лёгок был и ростом мал.
Из-под лап кота, малышка,
Незаметно исчезал.

Кот устал. Но, что за чудо?
Где игривый солнца луч?
Не ищи его повсюду —
Он сбежал за горку туч.

Александр Белкин

ЗВОНОК КОШКИ

1.

Мишка подружился с кошкой
С самого рождения;
С ней делился манной кашкой,
Ей давал печение.

Кошка друга защищала,
Как котёнка своего,
Злилась, прыгала, пищала
Если трогал кто его.

Мишка редко расставался
С мягколапкою своей,
Потому и огорчался,
Не встречаясь утром с ней.

2.

Дело было в воскресенье
Мишка, как обычно, встал.
Кошку он, на удивленье,
Рядом с миской не застал.

Под кроватью, за диваном,
Даже заглянул под стол,
В коридоре и за ванной
Он подружки не нашёл.

Не нашёл, но вдруг услышал
Продолжительный звонок.
В коридор он смело вышел,
Дверь открыл, не чуя ног.

На него свалилась сверху
Мягколапка кувырком...
Как так сверху? – вот потеха —
Это же не цирк, а дом.

3.

Ну, зачем она цепляясь,
Вверх карабкалась без бед
И упасть, вниз не боялась...
Вот, что рассказал сосед:

«По наличнику дверному
Кошка к кнопке добралась,

Кто учил её такому? —
В дверь звонить она взялась.

Дозвонилась! Дверь открылась —
Мягколапка прыг — и в дверь...
Научилась, научилась,
Как домой попасть теперь».

Александр Белкин

СТРАННЫЙ РАЗГОВОР

Синий вечер платочком накинута,
распрямляю усталую спину.
Вижу, котик сидит недалече,
а глаза у него человечески.
– Мури, мури хозяйка устала?
с зорькой ранней, наверное встала?..
– Да вестимо усатый бродяжка,
мне бывает как женщине тяжело.
Детки просят скорее покушать,
ведь иначе откажутся слушать.
– Мури, мури котом быть полегче,
тяжки ваши труды человечески.
В день я парочку мышек поймаю,
и за это сметанки лакаю.
– Знаю, знаю усатый зазнайка,
любит котиков ваша хозяйка.
Холит, чистит вас всех и лелеет,
беспризорных особо жалеет.
– Мури, мури открою секреты,
мы коты тоже ищем ответы.
Чем вы любы так нашему роду?
как познать человеческую природу?
– Ах ты, милый усатый философ,
у людей тоже много вопросов.
Их оставь на потом, вот колбаска,
да моя человеческая ласка.

Александр Поздеев

КУПОРОСНЫЙ КОТ

Ночная, бешеная смена,
тут солидол, там кислота.
Но мне пришлось на миг отвлечься,
на купоросного кота.
Облезлый, полудохлый, тощий,
из рода вечных цеховых.
Ночную смену сделал проще,
шум сквернословия утих.
В единый миг котенок тощий,
бригаду смехом уложил.
И доработать смену проще,
и не придирчив бригадир.
В таких мгновениях картинках,
так незначительных порой.
Жизнь выставляет по старинке,
моменты бытия игрой.

Александр Поздеев

СХОЖИЕ ТВОРЦЫ

Кошка сдувает с блюда,
пушистое варево дней.
Виденье какое! но нужно очнуться,
от воплощения в ней.

Пушистое варево дней,
иней из пластилина,
кошку как чью то оплошку.
Как воплощение мгновенья,
мастера вторит глина,
да та же кошка, но понарошку!

Гончар воплощается в кошке,
замес за замесом лепя.
Вправду – ли, понарошке,
лепит ее, любя.

Он человек, он мастер,
кошка он, и Творец,
натруженными руками
тайн откроет ларец.
что за семью замками.

И кошка месила глину,
– Слеплю человека я!

Буду любить, не покину,
тайну открою огня.

- Что из того что Боги, властвовать дали ему.
- Схожи наши дороги, честь не ему одному!

Александр Поздеев

ПЁС-ЗАГАДКА

Скуластый пес, глаза сочатся светом, а сам одет в лохматый
макинтош.

Одет что странно, в мире неодетом, но на двуногого увольте
не похож.

Глаза его когда то грели запад, ошейник пел романсы от кутюр.
Стучала песням вслед готическая лапа, и вместо кости грыз
лохматый сюр.

Теперь он стар, острее стали скулы, поистрепался меха макинтош.
И зубы поистерлися акульки, но пес загадка так же все хорош.

Александр Поздеев

МАЛЕНЬКИЙ КОТЁНОК В ГОРОДЕ БОЛЬШОМ...

Маленький котенок в городе большом —
Брошенный ребенок с плачущей душой.
Улицы безмолвны, тишина вокруг,
Маленький котенок жаждет добрых рук.
Почему жестоким стал огромный мир?
Посмотреть бы в окна городских квартир,
Где возможно любят, где кого-то ждут,
Ласку там и нежность кошечке дадут.
Маленький котенок с плачущей душой
Ищет чьей-то ласки, пусть и небольшой.

Оксана Баженова

МИХАЛЫЧ И МИТЯЙ

Ногу Виктор Михайлович Бельский, а попросту – Михалыч, надо признать, потерял глупо – когда еще лет пятнадцать назад вдруг начал хромать, хирург в районной больнице сказал ему, что это болезнь сосудов, эндартериит. Она практически неизлечима, но если бросить курить, то ее можно хотя бы остановить.

Михалыч регулярно, раз в год ложился в больницу под капельницу, дисциплинированно принимал прописанные ему лекарства, но с куревом так и не смог расстаться и потому хромота его все усиливалась. Ходил он уже с большим трудом, а вскоре и вовсе не смог наступать на правую ногу: ступня распухла и страшно болела. Началась гангрена, и ногу ему, в конце концов, оттапали, причем – выше колена. Вот только тогда Михалыч все же бросил курить. Потому как если бы не бросил, вполне мог расстаться и со второй конечностью, которая тоже болела. Хотя и поменьше, чем бедная правая, где-то теперь уже похороненная или сожженная в печи больничной котельной, царствие ей небесное. О судьбе отрезанной ноги Михалычу в больнице не сказали, да он как-то и не заморачивался на эту тему и вспоминал о ней лишь в придуманной им «шутке черного юмора», когда мог для красного словца ляпнуть, что одной ногой он уже «там».

Отказ от курева Михалычу дался нелегко. Беда еще была в том, что почти год он сиднем просидел дома, ожидая, пока чудовищный шрам на ноющей культе окончательно заживет, чтобы затем можно было ехать в областной город на протезирование. Жена Тамара с утра уходила на работу в детский сад, которым она заведовала, и возвращалась лишь после шести часов вечера. Предоставленный самому себе, Михалыч угрюмо сидел дома один, мучаясь от желания закурить. Одиночество ему скрашивали книги, телевизор да толстый и ленивый, но очень ласковый кот Митяй. Предполагалось, что он принадлежит серой русской породе, хотя никаких документов по этому поводу на него не имелось. А произвела его на свет полусиамка, полунезнакомно-кто Мотя, когда Михалыч был еще на своих двоих и добросовестно трудился бульдозеристом в мехколонне на строительстве автозимников. Эту диковатую голубоглазую кошку, «если что» без раздумья пускающую в ход когти и зубы, Тамара принесла с работы, чтобы навести укорот на разгулявшихся в их квартире мышей. Двухэтажный дом на восемь хозяев, среди которых значились и Бельские, был выстроен из деревянного бруса, как и практически все жилье в этом северном поселке, и с годами огромное число пустот в его перекрытиях, в стенах за листами сухой штукатурки дружно заселили мыши и даже крысы, и без конца что-то там грызли, точили, шуршали, а ночами смело объявлялись на кухне с целью чем-нибудь поживиться.

* * *

Мотя оказалась свирепой и азартной охотницей и быстро навела порядок в квартире своих новых хозяев, всего лишь за неделю изловив с пяток штук мышей. Остальные, насмерть перепуганные, обитатели застенков и подполья надолго притихли в своих пустотах и передвигались там только на цыпочках, потому что Мотя, слышав шорох, тут же бросалась к подзрительному участку квартиры и надолго замирала там в засаде. В такие минуты она почти не дышала и не двигалась, вперив горящий и неподвижный взгляд в одну точку. Уносить Мотьку обратно в садик, где кошек и так было хоть отбавляй – какие сами прибывались, на запах кухни, каких втихомолку кто-то подбрасывал еще несмышлеными котятками, – было

жалко, настолько привыкли к ней. Так и прижилась она у Бельских. А вскоре выяснилось, что Мотька, оказывается, беременна!

В положенное время она сама забралась в специально оборудованную Тамарой картонную коробку и без собой натуги произвела на свет четверых слабо питающих слепых котят самой разной расцветки, впрочем, совершенно не похожих на Мотьку.

Один из них, головастый и в серую полоску, оказался самым крупным, это и был будущий Митяй. Вот его, после ряда совещаний, Бельские все же решили оставить, а троих других котят, когда они немного подросли, с большим трудом растолкали по знакомым. Митяй менее чем за год вымахал в крупного вальяжного котяру. Еще бы: он один за четверых сосал мамкины, то есть Мотькины, титьки. Даже когда прошел положенный срок «грудничкового» возраста, Митяй бесцеремонно заваливал мамку набок и, обхватив ее толстыми лапами, припадал к одному из сосков – причем уже явно пустых! – и с наслаждением чмокал. Мотька сначала злилась, а потом смирилась и принимала эту процедуру покорно. Как массаж. Дальше – больше. Дойдя до половой зрелости, этот греховодник в кошачьем обличии избрал объектом для своих сексуальных утех ее же. То есть мать свою, Мотьку.

* * *

Бельские возмутились и решительно пресекли этот кошачий инцест. Тамара отдала Мотьку одной из своих сотрудниц, давно высказывавшей желание заиметь сиамку, пусть и полукровку. И вот Митяй остался в их доме один и жил долго и счастливо много лет, пользуясь особым покровительством хозяина. Михалыч был, что называется, кошатником. Может быть, потому, что по зодиаку сам был Котом. И Митяй тоже выделял Михалыча: всегда лез под руку хозяина, чтобы тот его погладил, «почухал» мягкое толстое брюшко. А стоило Михалычу прилечь на диван, как Митяй, довольно урча, тут же по-хозяйски располагался на его груди – подремать часок-другой.

И всем было хорошо, и все были довольны. Но с годами Митяй состарился, у него начали болеть зубы, это было понятно по тому, как он во время еды все чаще взрыкивал и отскакивал от своей площадки с мясом, а изо рта у него начало неприятно пахнуть. Митяя несколько раз пришлось относить к ветеринару. Тот нашел у кота пародонтоз и под наркозом несколько раз удалял ему зубные камни и наиболее расшатавшиеся зубы. Но все равно Митяй к пятнадцати годам своей долгой кошачьей жизни утратил возможность кусать мясо, а ничего другого он признавать не хотел, в том числе и появившиеся в последнее время кошачьи консервы, и Михалыч специально для него вертел фарш из дикой оленины. Благо, что ее здесь было хоть завались – не так далеко от поселка пролегал вековой миграционный путь огромного стада «дикаря», которого местные промысловики добывали для продажи населению. Совсем недорого, по сравнению с привозными свининой, говядиной и птицей.

Сосед Михалыча, безбидный пьянчужка Сеня Шатунов, который, как ни зайдет, все заставлял Михалыча у мясорубки, не раз советовал ему отнести Митяя к ветеринарам и усыпить «к чертовой матери».

– Сеня, иди ты сам к чертовой матери, – сипел потный Михалыч, с трудом прокручивая едва отошедшие после морозилки куски оленины. – А если тебя усыпить?

– А меня-то за что? – искренне удивлялся Сеня. – Я – человек!.. Михалыч, я чё зашел-то. Стольника не будет, до полочки? Лучше бы, конечно, двести. Но если дашь хотя бы сто пятьдесят, я не обижусь...

Щупленький Сеня со своей дородной женой Варварой жил напротив Бельских. Варвара устала бороться с Сениным алкоголизмом, а потом и сама стала с ним попивать. Но на опохмелку денег ему никогда не давала. А, встав с утра пораньше, пока Сенька, дергаясь и скрипя зубами, еще досматривал свои утренние похмельные кошмары, быстренько убегала на работу, в местную пекарню, где отпивалась чаем с ванильными булочками. От Варвары всегда вкусно пахло свежее испеченным хлебом и ванилью. И сама она была как булочка – румяная, пухленькая. Но Сеньке давно уже было на нее наплевать.

Одна отрада осталась у Сеньки в жизни – водка, после тесного общения с которой он шел к Михалычу – в их доме только Михалыч еще не отказывался давать ему в долг. А у Михалыча деньги водились, потому что, кроме «инвалидской» пенсии, он получал еще зарплату как сторож детского сада, куда его устроила жена. Садик был буквально через дорогу, и Михалычу не составляло особого труда, нацепив неудобный протез и опираясь на трость, доковылять туда один раз в трое суток, и провести там ночь. А так как у Михалыча руки росли оттуда, откуда надо, он время своей сторожевой вахты коротал за

починкой детских стульчиков, шкафчиков и прочей поломанной мебели. За что заботливая и справедливая заведующая садиком, в лице жены Тамары, приплачивала ему уже отдельно. Конечно, все заработанное Михалычем шло в семейный бюджет, которым, как и полагается, ведала рачительная супруга. Но пару-тройку сотен рублей – на газеты там, банку-другую пива раз в неделю, – ему с полочки или пенсии милостиво разрешали оставлять при себе. Так что Михалыч мог себе позволить дать взаймы Сене Шатунову из своих карманных денег. Тем более, что Сеня никогда не забывал вернуть их. Правда, не «завтра», как он божился, приплясывая на пороге кухни от нетерпения, а чаще всего через месяц-другой. Но ведь возвращал!

* * *

Однако вернемся к Митяю. К проблемам с зубами у дряхлеющего кота добавились еще трудности с почками и памятью. Митяй стал помногу мочиться, причем упорно – не в туалетный лоток, а рядом. Когда был здоровым и молодым, в туалет ходил, можно сказать, показательно, демонстративно громко шурша высланными газетами – дескать, смотрите, хозяева, какой я хороший. А впав в старческий маразм, старался выбрать момент, когда рядом никого нет, и прудил рядом с лотком на пол.

Кот был крупный, и лужа после него образовывалась большущая, невозможно вонючая и с длинными, на всю прихожую, красноватыми потеками. В ветлечебнице, куда хозяйка снесла Митяя в очередной раз, ему сделали «узи» и сообщили, что это все, увы, старческие хвори, которые уже и лечить-то бесполезно, и которые уйдут только вместе с недалекой кончиной кота. И предложили эту кончину ускорить прямо тут, за небольшую плату, чтобы и сам кот больше не мучился, и хозяев освободил от мучений.

Но Митяй все еще был дорог не только Михалычу, но и самой Тамаре, которого она вырастила, можно сказать, с младенческих когтей. И потому она гневно отвергла милосердное

предложение ветеринаров и настояла на том, чтобы ему все же выписали какие-нибудь лекарства.

Уколы Тамара делала Митяю дома сама – наловчилась на Михалыче, когда тот на перемену погоды начинал корчиться от фантомных болей в отсутствующей ноге, и экзекуцию эту кот переносил довольно мужественно. А вот заставить его глотать лекарства было практически невозможно: кот ошалело пучил глаза, шипел и плевался не хуже верблюда. Впрочем, лечение никак не сказалось на его периодичности опорожнения мочевого пузыря. В тех же количествах и на том же месте. То есть на пол.

* * *

Михалыч, совестясь за своего любимца и жалея жену, первое время сам пытался протирать полы. Но пару раз поскользнулся и навернулся с костылей так, что чуть не сломал последнюю ногу. Потому все мочевые потоки, шипя сквозь зубы нехорошие слова, собирала половой тряпкой Тамара и затем долго намывала пол с хлоркой и разными там ароматизаторами. А на другой день все повторялось – подлый Митяй улучал момент и снова тихой сапой шел на мокрое дело. Из-за всего этого в квартире, как ее ни проветривали, воцарился устойчивый специфический запах, и Бельские перестали приглашать к себе гостей, а незваных просто не пускали дальше порога. Кроме Сеньки – тот был свой человек.

А тут жена Михалыча улетела на недельку «на материк» – в город, вроде как по делам, но на самом деле проведать сына-студента. Михалыч остался дома один с Митяем. На второй день появился Сенька – опять перехватить «до завтра» столытник-другой. Михалыч посмотрел-посмотрел, на небритого, но веселого соседа – с похмелья тот, как ни странно, почему-то всегда был весел, – махнул рукой и дал ему пятьсот рублей.

Сенька не поверил своим глазам:

– Михалыч, завтра я тебе столько не верну. Послезавтра, ладно?

– Не надо ничего возвращать. Купи пару бутылок нормальной водки, да дуй ко мне, – распорядился Михалыч. Посидели они в тот день хорошо, поговорили по душам, если это только можно было назвать разговором: от постоянного соседства с громыхающими дизелями Сенька был глуховат, и поэтому и сам всегда орал при разговоре, и ему приходилось кричать, чтобы он что-то расслышал. Их содержательную беседу прервала

пришедшая с работы Сенькина жена Варвара. По несусветному ору, доносящемуся даже из-за двойных дверей квартиры Михалыча, ей не составило труда найти местопребывание непутевого муженька и утащить его за шкирку домой. Михалыч запер дверь за удалившимся супругами Шатуновыми и отправился спать. Но не успел он сделать и нескольких шагов, как костыли его, попав в очередную митяевскую лужу, разъехались, и Михалыч с грохотом свалился на пол. Причем, получилось так, что сел он на шпагат в центре самой лужи. Такого вопля их дом, пожалуй, не слышал уже давно.

– Митька, гад, я убью тебя! – ревел Михалыч, ворочаясь на полу и пытаясь встать. – Только попадись мне, придушу, сукин кот!

* * *

Но Митяй, не будь дураком, уже прятался где-то в глубине квартиры. Вот ведь скотина: явно понимал, что делает что-то не так, так как хозяева, обнаружив очередную его «роспись» на полу, всегда громко ругались и, изловив, тыкали его мордой в свежую лужу, приговаривая: «Сюда писать нельзя! Нельзя!! Нельзя!!!».

Митяй, несомненно, признавал свою вину, но из-за какого-то сдвига, произошедшего на старости лет в его кошачьей башке, ничего с собой поделывать не мог и продолжал дуть на пол. И в том, что он сделал это и сегодня, ничего особенного не было. Так, может быть, думал спрятавшийся под кроватью и угрюмо дремавший Митяй. Но Михалыч, с трудом вставший с пола и чувствуя по сильной боли в месте приземления, что он не только ушиб копчик, но и растянул какое-то сухожилие, уже принял для себя конкретное решение, воплощение которого отложил до утра.

Охая на каждом шагу, он доковылял до ванной, тщательно помылся под душем и замочил на ночь в растворе стирального порошка перепачканную одежду. Потом, сидя на стуле и на нем же рывками передвигаясь, все же протер пол в прихожей и только тогда отправился спать на диван у работающего телевизора. Уже засыпая, почувствовал, как выбравшийся из своего укрытия Митяй запрыгнул на диван. Он вначале постоял пару минут в ногах хозяина, дожидаясь его реакции, и лишь потом уверенно взобрался на его укрытую пледом грудь, уютно свернулся клубком и громко замурлыкал.

– Сволочь ты, Митяй! – пробормотал Михалыч, но кота на груди оставил и провалился в глубокий сон.

* * *

Разбудил его настойчивый стук в дверь. Сенька, больше некому. Михалыч повернулся на другой бок, пытаясь снова заснуть. Но Сенька продолжал избивать дверь. И Михалыч тут же вспомнил о своем вчерашнем решении. Он сел на диване, потряс головой, сделал пару резких вдохов-выдохов. Голова была в порядке, лишь тупо ныла растянутая при вчерашнем падении промежность. И решение, принятое Михалычем, никуда не ушло, а прочно сидело в его голове. Видать, оно исподволь зрело в сознании Михалыча, просто он не хотел себе признаваться в этом. А теперь вот созрело окончательно и требовало реализации, иначе – ну просто уже никак.

Михалыч вздохнул, натянул треники, привычным жестом заправив пустую правую штанину за резинку пояса и, постукивая костылями, пошел открывать дверь. На пороге в длинных семейных трусах, из которых торчали худущие ноги в реденьких светлых волосиках, в майке навыпуск, стоял всклокоченный Сеня.

– Михалыч, у нас там ничего не оставалось, а? – просительно выдавил он серыми губами.

– Не знаю, проходи, сейчас посмотрим, – посторонился Михалыч, пропуская Сеньку. – Что, опять на работу не пошел?

– Отгул взял.

На неубранном столе, среди тарелок с малосольным сигом, солеными груздями и кусками вареной оленины, стояла бутылка с недопитой водкой. Там было еще граммов сто-сто пятьдесят.

– Пей, я не буду, – сказал Михалыч. – И потом оденься и возвращайся ко мне. У меня дело к тебе есть.

– Я сейчас, Михалыч, сейчас! – обрадованно заторопился Сенька, проглотил остаток водки и, не закусывая, побежал домой.

Михалыч вытащил из холодильника пакет с фаршем, позвал громко:

– Кис-кис, Митюша, кис-кис! Иди ко мне, завтракать будем!

Митяй не заставил себя долго ждать и с громким «Мяаяяу!» тут же объявился на кухне, с мурлыканьем стал тереться о единственную ногу Михалыча. Михалыч сел прямо на пол и, доставая из пакета маленькие кусочки фарша, скатывал их между пальцев в шарики и по одному подавал на ладони коту. Митяй жадно схватывал этот мясной комочек и, проглотив, терпеливо ждал следующий. А если давать ему есть фарш из кучки, глупый Митяй набивал полный рот и мясная масса давила ему на больные десны, отчего он начинал вертеться на полу, плевать и кричать от боли. Накормив кота, Михалыч спрятал пакет в обратно в холодильник. Потом помыл руки и приготовил большую сумку, в которой Тамара обычно носила Митяя на лечение к ветеринарам. Кот, заведя сумку, побежал прятаться под кровать. Он хорошо знал, чем для него чревато появление этой ненавистной сумки. Сначала его, покачивая, в полной темноте несут в неизвестность, потом чужие люди в белых халатах, в незнакомом помещении с неприятными резкими запахами, насильно раскрывают ему рот и заглядывают в него, подсвечивая себе чем-то ослепительно ярким. Затем следует болезненный укол в бедро, провал в темноту и просыпание уже дома, с тошнотными позывами и мокрой тряпкой на тяжелой голове, время о времени заботливо меняемой хозяйкой, а еще эти неприятные ощущения в выскобленной от зубных камней пасти...

* * *

Стукнула входная дверь.

– Михалыч, я готов! – весело прокричал Сенька. – Куда идти, чего делать?

Всем своим пропитым нутром Сенька чувствовал, что сегодня ему опять достанется дармовая выпивка.

– Подожди, – сердито сказал Михалыч. – Я сейчас.

Он с сумкой проковылял в спальню, сел на пол и заглянул под кровать. Митяй, нехорошо отсвечивая зелеными глазами, сидел в самом дальнем углу.

– Ну, иди ко мне, иди, Митюша, – забормотал Михалыч, пытаясь дотянуться до кота рукой. Митяй, чуя недоброе, отполз еще дальше.

– Я ж тебя все равно достану! – разозлился Михалыч. И, запустив костыль под кровать, зацепил им кота и подгреб к себе. Взяв его на руки, уселся на кровати. Погладил по серой взъерошенной спине, по большой круглой голове с прижатыми ушами.

– Ну что, Митяй? Пора тебе, брат. Ну, извини, и прощай! Так надо.

Михалыч поцеловал кота в усатую морду, затолкал его в сумку, вжикнул замком и вынес в прихожую, где его дожидался, нетерпеливо переминаясь с ноги на ногу, Сенька.

Сумка заходила ходуном, пытаясь выбраться из нее, Митяй стал хрипло кричать, как будто кто его душил.

– Вот тебе пятьсот рублей, а вот сумка с Митяем, – отрывисто сказал Михалыч, протягивая Сеньке дергающуюся сумку. – Отнеси к ветеринарам. Знаешь же, где? Пусть усыпят. Это стоит рублей полста, не больше. Потом купишь водки – и ко мне, помянем Митяя.

– Ух, ты! – почесал в затылке Сенька. – Значит, все же решил? Ну и правильно. Он же вам тут все загадил, зайти невозможно. Слушай, а куда девать... Ну это, тело?

– Куда, куда... Откуда я знаю, куда, – раздраженно сказал Михалыч, болезненно прислушиваясь к воплям еще живого Митяя. – Земля сейчас мерзлая, не закопаешь. Снеси куда-нибудь в котельную. Купи мужикам пива, пусть сож... Пусть кремируют. Ну, пошел, пошел, не рвите мне тут душу!

Сенька часто покивал головой, как китайский болванчик, повернулся и вышел на лестничную площадку. Дергающаяся сумка тяжело оттягивала ему руку. Митяй, не прекращая, приглушенно выл в своем тесном и темном узилище. И это удаляющееся с каждым шагом Сеньки завывание в самом деле рвало и когтило душу Михалыча. Хоть и надоел ему до чертиков Митяй, было его ужасно жаль. Все же, какая-никакая, а живая, более того – родная душа... А что он скажет жене? Что умер? «А как умер, отчего умер? От старости? А может, это ты его костылем забил, когда больной бедолажка Митюшка сделал очередную лужу?» – с подозрением заглянув в глаза Михалычу, скажет Тома. И

ведь будет укорять его в смерти кота до конца дней, хотя сама же и страдала от его старческого маразма. А кто ляжет на грудь Михалычу приятной тяжестью и смурлыкает ему перед сном котофеевскую песню, легонько когтя его перед этим? Черт, это невозможно!

* * *

Слышно было, как хлопнула за Сенькой тугая, на пружине, дверь, и митяевских жалобных воплей почти не стало слышно. Сенька же сейчас свернет за угол и исчезнет! А с ним и бедняжка Митяй, который жил с Бельскими душа в душу целых восемнадцать лет и которого Михалыч недрогнувшей рукой отправил на казнь! Вот именно – на казнь! А вдруг он еще будет живой, когда Сенька понесет его, усыпленного, в котельную и отдаст кочегарам на сожжение?

Ну не сволочь, а? Михалыч скрежетнул зубами, смахнул с небритой щеки выкатившуюся злую слезинку и в два широких взмаха костылей оказался на кухне, пододвинул к окну стул, взгромоздился на него и, балансируя на одной ноге, торопливо стал дергать на себя примерзшую за ночь внутреннюю фрамугу форточки, толкнул на улицу наружную. С улицы ворвался

морозный воздух, пахнувший угольной копотью от соседней котельной. Михалыч просунул всклокоченную голову в форточку, завертел ею в поисках Сеньки. Но того уже нигде не было. Ушел! А до ветеринарной клиники пройти – всего ничего, метров двести.

Надо позвонить туда, сказать, чтобы они ничего Митяю не делали и отправили Сеньку обратно, домой. С котом! Так, где же справочник? А, вот. А как зовут их главного врача? Вспомнил – как их районного главу, Борис Иванович! Сейчас, сейчас, Митюша, ты будешь скоро дома и папочка покормит тебя твоим любимым фаршиком.

Михалыч потянулся за трубкой, и аппарат неожиданно зазвонил. Настолько неожиданно и резко, что у Михалыча даже неприятно подпрыгнуло сердце, и он отшатнулся от стола. Снял трубку. Звонила его благоверная. Сообщила, что послезавтра вылетает, что насчет машины договорилась сама в управлении образования и в порту ее встретят.

– Ладно, ладно, – торопливо сказал Михалыч, – мы ждем, извини, у меня что-то живот разболелся.

Нажал на рычаг и стал набирать номер ветеринарной клиники. Набрал, подождал соединения, но из трубки слышались короткие гудки. Занято! Но как же так, он же не успеет! Чуть не плача, дрожащим указательным пальцем снова стал нетерпеливо набирать номер. Диск вращался очень медленно, пару раз сорвался, и номер пришлось набирать вновь. Наконец, соединение... Слава тебе господи, пошел длинный гудок! Гудок, еще гудок. Но почему же никто не берет телефон? А, нет, взяли!

* * *

– Ветеринарная клиника, слушаю вас, – сказала трубка низким женским голосом. Видимо, медсестра.

– Это... Как мне услышать вашего главного врача, Бориса Ивановича? – хрипло спросил Михалыч.

– Он сейчас не может подойти. У него операция.

– Какая еще операция? Что, уже моего Митяю усыпляют? – закричал Михалыч.

– Какого еще Митяя? – удивились в трубке. – Кобельку тут одному ухо зашивают, порвали в драке. Не помню, как его зовут, но точно не Митяй.

– Уфф! – вытер вспотевший лоб ладошкой Михалыч. – Послушайте, как вас зовут... Ирина Петровна, тут к вам должен подойти один мужичок с котом в сумке, зовут его Митяй.

– Кого, мужичка?

– Да нет, мужичка зовут Сенька... Вернее, Семен. А в сумке у него кот. Вот тот Митяй.

– Подождите, подождите, – сказала Ирина Петровна. Слышно было, как она спросила кого-то: «Мужчина, это не вы Семен? Да вы что, глухой? Вы, говорю, Семен? И в сумке у вас кот Митяй?». И опять в трубку:

– Пришли ваши Семен с Митяем. И что?

– Дайте ему трубку! – обрадовано сказал Михалыч.

– Але, кто это? – просипел Сенькин голос. – Говорите громче, вас не слышно!

– Сенька, глухая ты тетеря! – весело прокричал в трубку Михалыч. – Все, акция отменяется! Дуй с Митяем домой! Домой, тебе говорят!! Ну, зайди, зайди по пути в магазин...

Пить с Сенькой в этот раз он не стал – отдал ему только что купленную им бутылку целиком, и Сенька, не веря своему счастью, торопливо ушел домой с водкой под мышкой. А Михалыч на кухне осторожно извлек уже охрипшего от ора Митяя из сумки и сел с ним, как обычно, на пол перед извлеченным из холодильника пакетом с оленьим фаршем.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.